

ЛЕТОМ 1940 ГОДА

С лопатой, тлякою ли дело – старался, чтоб перед людьми не стыдно было. Но хотелось работать в поле с лошадьми. И я с желанием кипучим был рад силёнки напрягать в ученье, как быстрее и лучше в повозку лошадь запрягать. Тот день во всю сиял обновой, когда, как бравый ездовой, в повозке с бочкой столитровой поехал к речке за водой. Я, кепку на затылок сдвинув, на полевой стан воду вёз. И тракторист мне из кабины кричал: «Не потеряй колёс!»

УЧИМСЯ В БАРАКАХ

В сорок первом – госпиталь в здании школы. Учимся в бараках. Наш шестой «А» занимается в комнате, где служит полом безо всякой примеси глина одна. Стынут чернила в непроливашке. В пальцы сначала я подышу, не на тетради (их нету в продаже), а на газете задачу решу. После уроков мальчишки – за санки:

надо к бараку дров подвезти. Утром дежурный натопит времянку, чтобы учитель урок мог вести. На перемене обступим печурку. Телу теплой – и в глазёнках лучи. Только Борисов и вялый, и хмурый – он похоронку вчера получил.

В ОЧЕРЕДИ ЗА ХЛЕБОМ

Ночью глубокою мать меня будит: «Быстро вставай, мы за хлебом пойдём». Темень сплошная. Какие-то люди с нами идут в направленьи одном. У магазина уже многолюдно – с вечера очередь полнится здесь. Ночью стоять в ней и скучно, и нудно, только на корточки можно присесть. Хлеба – полбулки лишь на человека. Кое-кто всею семьёю стоит. И со здоровым здесь рядом калека, охает старец, младенец сопит. Очередь движется тягостно, медленно. Вдруг затолпилась она у дверей – очередь занявшие последними вздумали первыми сделаться в ней. В давке той разум лишается власти. Кто-то полез даже по головам. В общем, не спали в ту ночь мы напрасно: хлеба, увы, не хватило нам.

*Но с октября спим спокойно мы с мамой:
хлеб продаётся по карточкам всем.
Норма иждивенца – четыреста граммов.
Крох не теряя, хлеб бережно ем.*

ПОГРУЗКА

*Ученики чтоб в школе не мёрзли
в декабре (мороз – тридцать два!),
ночью на станции Борзый
наш десятый «А» грузит дрова.
Ставим к вагону лесины,
брёвна вверх катим по ним,
напрягая все силы,
дружным порывом одним.
Но поломалась рогуля –
ею толкал Гуль бревно.
Вниз соскользнуло и Гулю
кости сломало оно.
Словом, потерь, как на фронте,
не удалось избежать.
Месяца три «на ремонте»
Гулю пришлось полежать.*

*Радостные – не подкачали.
Счастливые – погрузили.
Вповалку в автобусе спали,
в котором домой возовили.*

ТЕЛЕЖКА

*Мчит тележка на колёсах,
не виляя, напрямик.
На тележке – нетверёзый
и безногий фронтовик.
Ах, тележечка-тележка,
все четыре колеса!
Так трясёт твоя пробежка –
прошибает глаз слеза.
Хорошо – остались руки:
оттолкнулся – и кати!
А чтоб легче были муки –
фляжка с водкой на груди...
Сколько их, таких тележек,
по дорогам всей страны
прокатились безутешным
эхом горестным войны.*

